

И судья, и палач

Рассказ

1.

Зима 41–42-го выдалась холодной. Однако лемовжское болото местами так и не замёрзло. В начале января, выслеживая волостного старосту и его братца, Фёдор Астахов случайно забрёл на мхи, покрытые тонкой корочкой льда, провалился в трясину, еле выбрался оттуда и потом долго шёл мокрый. Вообще-то, он искал не самого главного местного полиция – Всеволода Клёнова, а его младшего брата Петьку, что в соседней деревне с чердака своего дома расстрелял из пулемёта двоих, не местных. То ли партизан, то ли парашютистов. Они были в шлемах и в комбинезонах. Видят: немцев нет, и давай по деревне ходить, еду просить. Прямо дети малые!

После этой неудачи Фёдор сильно простудился, его колотило. С высокой температурой он явился к матери. Не выдержал, пришёл хоть немного подлечиться и согреться. Напился горячего молока с маслом, переоделся и лежал под тяжёлым ватным одеялом в шерстяных носках, чёрных брюках «на выход», почти новой серой рубашке и пиджаке. Ничего другого в доме для него не было. Рот завязал тряпкой, чтобы не был слышен непрекращающийся кашель. После горячего молока пот лился ручьём.

Внезапно в деревню нагрянули немцы. Все на мотоциклах и на машинах. Довольно много их было, приехали разбираться, откуда на прошлой неделе взялись партизаны. Фёдор еле успел прыгнуть в подпол. В чём был, так и зарылся в яме из-под картошки. Её края были укреплены досками. Он рукой осторожно присыпал крышку песком.

Рана в руке сразу дала о себе знать, осколок задвигался, иногда вызывая внезапную, но острую боль в локте.

Несколько немцев с овчаркой шумно вошли в дом и сразу усадились за стол. Один спустился в подвал и посветил фонарём. Пошарил вилами по песку, даже пробрался под полом большой комнаты туда, где была яма для картошки. Ему пришлось согнуться в три погибели. Но там вилами особенно не поорудуешь. Поэтому минут через пять он вылез, прихватив с собой банку с солёными огурцами, и присоединился к своим, уже галдевшим и пившим за столом.

У Фёдора эта яма была заранее приготовлена для матери на случай, если будут сжигать дом. Там она смогла бы спастись от огня и переждать. В фундаменте со стороны реки он начал готовить дыру, уже вытащил несколько камней и прикрыл лаз листом ржавого железа. Когда снег – не видно, а летом в этом месте росла крапива. Там можно было незаметно вылезти. Но пока лаз был не готов. Ещё нужно было из фундамента дома убрать два-три камня.

Утром немцы ушли из дома. Фёдор, полуживой, вылез из подвала с белым, страшным и распухшим раз в два лицом. Даже собака его не учуяла. А к вечеру солдаты уехали совсем. Кого-то забрали, всё сожгли в соседней деревне, в том числе на хуторах. Это чтобы неповадно было чужих пускать. Местные полицей, Клёнов младший и Осипов, демонстрируя свою прыть, словили шатающегося по деревням сироту-цыганёнка и, раненного в живот, тащили из деревни. Он громко плакал и кричал от боли. Это был мальчуган лет двенадцати. За деревней его прикончили и сбросили в овраг.

«Убью гадов! – дал себе слово Астахов. – Обязательно и в первую очередь. Волостной староста подождёт. Этих вся деревня видела».

С того злополучного домашнего лечения Фёдор в родительский дом больше ни ногой. Один раз наведёлся, доделал лаз в фундаменте. Ещё приносил матери полмешка муки и для солёния кусок баранины, взятый им в сарае у одного полицейского, что жил под Молосковицами. Передал – и назад в лес, в землянку.

Астахов привык к новому распорядку. Утром спал в лесу часов до десяти. Потом, пока было тепло от печки, готовил в одном котелке кашу, а в другом – наструганную мороженую баранину. Это и обед, и завтрак. Так не каждый день. Готовил дня на три сразу. Но самое сложное было – как следует спрятать эту еду от повадившейся в его землянку лисы. Она уже дважды съедала все запасы в хозяйстве у Фёдора.

Раз в неделю стирал бельё в воде, согретой в ведре на печке, подрезал волосы и брился острым как бритва ножом. Ведро, его любимый с детства нож, мыло, соль, чугульки взял из дома ещё в первый раз. Днём, когда печка гасла, заваливал своё жилище еловыми лапами, забрасывал их снегом. Потом переворачивал длинное бревно и по незаśnieженной стороне аккуратно переходил через кусты на тропинку, переворачивал бревно обратно заледенелым снегом наверх и пробирался к деревне. Нужно было самому разведать, что и как, а потом незаметно подобраться к дому дяди Егора. Там узнать новости о маслозаводе, о полицаях, о немцах, да и про ребят, ещё не ушедших в полицию.

Взобравшись на красную скалу, Астахов всматривался в знакомый с детства пейзаж: деревня, излучина, мост и купола церкви. Деревня почти не жила. От почты прошли двое полицейских в новых чёрных шинелях. Идут по домам, что-то записывают в большой белый блокнот. Навстречу им к школе идёт Верка Игнатьева из соседнего дома, несёт большой бидон с молоком. Там вроде как штаб полицейских из пяти соседних деревень. Вот мать Фёдора пошла в сторону Красного Маяка тоже с бидоном. Ей приказано каждый день приносить свежее молоко на маслозавод для охраны. Это километров семь будет. Еле ковыляет, ноги-то больные...

Фёдор вспомнил, как он пришёл к матери после побега из плена. Как она плакала и радовалась, увидев своего сына живым. Сразу задёрнула все занавески, закрыла дверь на крючок. Большую шубу из овчины, с которой Фёдор протопал лесами почти от Каунаса больше пятисот километров, она засунула в ещё горячую русскую печь. Шуба тут

же стала вся белая от зажаренных вшей. Рваный пиджак, рубашку и галифе сожгла в буржуйке, принесла горячей воды. Фёдор вымылся, как смог, прямо в комнате. Потом мать промыла ему рану на руке самогоном и перевязала чистым белым полотенцем. С чердака принесла старый тёплый свитер, штаны на вате и огромные, ещё отцовские валенки с галошами. Фёдор наелся щей без мяса. Ему стало совсем хорошо... Мать не отговаривала сына и сразу согласилась с тем, что он задумал делать здесь, на родине...

2.

Живя в деревне, привыкаешь с самого детства всё делать сам, обстоятельно, аккуратно, надолго, для себя. Фёдор знал все кочки на полянке около хутора, где они с отцом косили траву. Помнил каждое бревно, когда перевозили дом с хутора в деревню, на берег Лемовжи... Сама природа принимает только тех, кто с ней. Других она не терпит и отторгает.

Государственная машина – совсем другое. Чаще всего она как раз и нужна для того, чтобы изменить природу. Много людей, много заводов, большие цели. Приходится волей-неволей всё делать как-то огульно что ли. Если на самолёты – то все! Коллективизация – так каждый третий кулак. Враги народа – опять каждый третий. Если отступаем – то все паникёры и трусы, если плен – то все изменники. Эта машина, наверное, и не может иначе... Но он-то, Астахов, один. Без начальников, без приказов и подчиненных, без суда и власти. Пойди, разберись! Как тут быть?

С немцами ясно. Сейчас ему против них нужно действовать тихо и без позёрства. Идёт война, и никто из жителей не будет любопытствовать: «Кто тот герой, что взорвал мост или комендатуру?» Обычное дело. Но, ей богу, всем будет безразлично, что вон того, такого же, как они, всегда жившего рядом с ними, но предавшего их, постигла заслуженная кара. Для них это торжество хоть какой-то справедливости. Глядишь, и остальные, слабые, малодушные и обманутые, но не такие сволочи, как этот, задумаются.

Вроде всё понятно. Но Фёдора мучили сомнения. В голове крутились всё новые и новые вопросы. Вопросы, в пер-

вую очередь, к самому себе. Готов ли он месяцами один скрываться в лесу, в землянке? Нельзя заболеть. Нельзя быть раненым. Никто не поможет. В родительском доме оставаться нельзя, как бы его ни уговаривала мать. Обязательно узнают, учуют, сообщат. Как вообще здесь передвигаться? По всем деревням шляются полицейские патрули и проверяют пропуска. Как искать помощников и единомышленников? Это, пожалуй, самое трудное. Ведь они, в отличие от него, не смогут исчезнуть даже на время, чтобы вместе с ним проверить какую-нибудь диверсию. Если исчезнут, уничтожат семью. Уйти вместе с семьёй? Куда?

Сложнее было другое. Что вообще он может предложить местным, чтобы они решились вдруг пойти с ним? Красная Армия ушла, их бросила. Листовки, сбрасываемые с самолетов, со словами о том, что она скоро вернётся, имели совершенно обратный эффект. Новая власть уже есть. Она действует. И действует жёстко. Немцы совсем рядом, в Большом Сабске. Полчаса езды. В любой момент могут нагрянуть. Те не разгуливают по деревням, как полицаи. Они просто всех вытаскивают на поляну к церкви, а потом ищут по домам, не укрывается ли кто. Чуть что, только малейшее подозрение – сразу всю семью к стенке, а то и деревню сожгут.

Всякий, кто здесь жил, был вправе подумать: «А может быть, страна так же, как и Европа, уже проиграла эту войну? Было же у нас татаро-монгольское иго несколько веков...» Когда раненого Астахова вместе с другими пленными везли в вагоне в тыл к немцам, многие так и рассуждали: «Москву, Ленинград возьмут – нас отпустят!» Это было простое подчинение или непротивление силе – такой тип совести, когда ты начинаешь с лёгкостью усваивать повеления внешней силы. При этом совсем не важно, чьей силы: нашей или чужой. Ты всё равно выполняешь её волю.

Что он может противопоставить этому? Только действия! Активные действия против этой внешней силы. И опять, в который раз, всё тот же вопрос: «Один или в отряде?» Как только Фёдор возвращался к этому вопросу,

куча других проблем сразу начинала сама вылезать, как грибы после тёплого летнего дождя. «Искать партизан или окруженные войска? Просто бродить по лесам, ждать, когда они сами сюда придут? Нет! Я столько протопал и никакого даже подобия партизан не встретил. Да и не со всякими пойду. Уже научен. Так много я видел разных слоняющихся по лесам...» Условия требовали умения действовать в одиночку, не рассчитывая на помощь в течение длительного времени.

Что нужно было местным жителям, чьи дети и мужья уже в полиции и служат немцам? Что нужно сейчас самим полицейским? Они все такие разные. Нужно искать то, что их разделяет. Одним нужно просто выжить. Для других – это кусок хлеба. Третьим, таким как Клёнов, хочется выслужиться перед новой властью, стать богатым и иметь столь желанную для них власть над людьми... Четвёртые так ненавидят советскую власть, что с радостью увидели в немцах своих спасителей. Таких здесь вроде бы не было. Теперь нужно, чтобы все они отдавали себе отчёт: если станешь сволочью – убьют. Пусть видят, что кара неминуемо настигнет каждого.

Получалось, будто Астахов сам, по своей воле становился и судьей, и палачом. Кто позволил ему, кто его уполномочил? Его, только что побывавшего в плену, а потом чуть не расстрелянного своими же?

Фёдор вдруг почувствовал ясность в голове, как будто он освободился от идеологического угара, от армейских директив и рефлексов, от всего наносного и привнесённого. Он держал отчёт перед своей совестью. Сегодня нужно убивать врага. Хорошо или плохо это делает страна? Любит она тебя или отторгает? Конечно, важно. Но он этого старался не замечать. Главное – гнать врага со своей земли. Как он сможет, так и гнать. Убивать, вредить, мешать. И тем самым помогать своим... родным, жене, маленькому сыну, матери... Потом у людей обязательно заработает память. Она извлечёт из прошлого все подробности измены и неправды. Воображение облечёт эти подробности в живые формы... Затем сама собой проснётся совесть. Не лож-

ная совесть раба, утратившего свою личность, а истинная, та, что заставляет думать, принимать решения, действовать.

3.

Со скалы было видно, как мать Фёдора повстречалась с Дмитриевной. Та тоже одна, но к ней часто заходят полицейские за самогоном. Иногда прямо у неё в доме разопьют и дальше шагают. Пока пьют, много болтают про все свои дела. Кого повысили, кого повесили, кого куда направили, кто самый главный. Ну и тому подобное. Мать всегда, встречаясь с Дмитриевной, останавливалась, здоровалась и ждала, когда та начнет изливаться душой и хвастать своими знаниями.

Около церкви стояла пролётка с лошастью. Туда подтягивались жители Хотнежи и Корячи. Что-то будут объявлять. «Интересно, кто это приехал? Уж не Клёнов ли? – размечтался Фёдор. Этот без охраны не ездил никуда. Когда в прошлый раз приезжали немцы и расстреляли у церкви мельника, тоже всех собрали. Но тогда был только Клёнов-младший и Осипов.

Через два часа все разошлись. Опять тихо и никого вокруг. Ночью можно выйти на дорогу и прямо по деревне подойти к дому какого-нибудь полицая и сблизиться почувствовать, что за человек. Обычно никто из них не спал часов до двух. Казалось, что все они чего-то ждали. Потом он долго промерял маршрут от одной деревни к другой, обходные дороги, пути отхода. Чтобы выследить главных полицейских, нужно было много знать. Куда ходят, зачем, когда, какое у них оружие, есть ли охрана? Маслозавод – это другое дело. Как пробраться к заводу, Фёдор уже выяснил, как поджечь – тоже. Оставалось разведать, какая там охрана, где находится и сколько бочек с маслом хранится на складе. Кроме того, рядом, в пяти минутах, в Сабске, стояла немецкая часть. Хорошо бы и про неё всё разузнать...

Часа в два ночи, а то и позже, Федор возвращался на хутор в свою землянку. Разжигал огонь в печи, согревал еду и укладывался спать. Завтра, то есть уже сегодня, будет трудный день. Стало известно, что утром полицейский

Осипов пойдёт вдоль реки Луги к своим родным. Один пойдёт или с дружкой Петькой Клёновым – неизвестно. Известно только, что один он никогда не ходит. Всегда рядом охрана, человека два-три.

Над вершинами сосен навис огромный свинцовый полог неба. Ни звёздочки... Ещё немного – и лес и небо сливаются. На лицо падают снежинки и быстро тают. Фёдор остановился. Тишина. Ни звука, ни шороха. Где-то рядом скрипнуло дерево. И опять всё тихо. Астахову стало не по себе от этой пронзительной тишины. Он осторожно продвигался вперёд, к дороге. Под ногами предательски хрустел снег, но лес быстро гасил эти звуки.

Метрах в двадцати от того места, где он остановился, по заснеженной обочине дороги шли двое с винтовками, в тёплых полушубках и меховых шапках. Это были Клёнов и Осипов, которые месяц назад расстреляли двух партизан, а потом на виду у всей деревни тащили добывать раненого цыганёнка. Сбоку и сзади с винтовками наперевес шли ещё трое.

Если бы знали эти нелюди, как долго он их искал! Сколько раз готовился, караулил часами, а они шли другой дорогой. Тогда приходилось бежать по глубокому снегу километров десять, чтобы перехватить их совсем в другом месте. Нужно было, чтобы они появились вместе и подальше от деревни, чтобы не пало подозрение на кого-нибудь из местных...

Идя по глубокому снегу след в след, оба полицейских выстроились гуськом. В тишине громко прозвучал выстрел. Клёнов сразу свалился на землю и затих, а второго та же пуля, видимо, только задела. Трое охранников явно растерялись и засуетились. Двое, что шли сзади, кинулись бежать без единого крика. Третий быстро залёг и начал, не целясь, стрелять в лес, туда, где прятался Астахов. Минуту спустя что-то сообразил, вскочил и побежал за первыми двумя в сторону ближайшей деревни. Фёдор никого из них не узнал. Он подождал, когда убегут подальше те трое и только после этого подошёл поближе к дороге. Осипов то ли сидел, то ли лежал как-то неестественно и пытался передёрнуть затвор винтовки.

– Ой, свои, – промычал он, узнав Астахова.

– Да, свои, – жёстко сказал Фёдор и добил его прикладом. Ничего не говорил, ничего не объяснял. Просто добил и всё! И никаких других чувств, кроме брезгливого ощущения прикосновения к гнилой сволочи, у него не было.

Забрав винтовки, он долго тащил по снегу убитых полицейских к реке. Не хотел, чтобы их обнаружили. Не получилось. Полушубок одного из них вздулся из полыньи. А когда немцы вместе с полицейскими искали, то по нему и нашли. После, конечно, хоронили с почестями, с салютом. Немцы важные приехали. В Хотнеже на кладбище за церковью и похоронили двух негодяев. Видно, ценили их усердие. Никого из местных в округе на десять километров не тронули. Только походили цепью по лесу вокруг ближних деревень. И-то недалеко. Так, километров на пять вглубь.

Мать рассказывала, что бабки, которые встречались ей на просёлочной дороге, Дмитриевна и Верка Игнатьева, пытаясь поделиться своими впечатлениями от этого события, многозначительно показывали головой куда-то наверх. На их лицах одновременно был и страх, и плохо скрываемая радость.